

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

ЗОРОАСТРИЙЦЫ В СТРУКТУРЕ ИРАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

© 2024

С. Э. Султанова¹

Вторая половина XIX — начало XX в. стали важным периодом в истории зороастрийской общины Ирана, социальное и правовое положение которой кардинально меняется по сравнению с предыдущими столетиями. Благодаря финансовым и коммуникационным ресурсам единоверцев в Индии — парсов, которые, в свою очередь, были объектом поддержки британской колониальной машины в XIX в., иранские зороастрийцы сумели не просто улучшить свое положение угнетаемого религиозного меньшинства, но и занять собственную нишу в экономической жизни страны. Во взаимодействии с дипломатическим корпусом европейских государств в Иране и при финансовой поддержке парсийского капитала был предпринят целый ряд мер по отмене ограничений, дискриминирующих зороастрийское религиозное меньшинство. В частности, отмена ограничений на ведение экономической деятельности позволила наиболее предприимчивым представителям общины стать частью цепочки транснациональной торговли стратегически важными товарами, в том числе опиумом. Значительная доля ростовщических операций и международных банковских переводов также постепенно сосредоточилась в руках зороастрийских купцов. Зороастрийская община Ирана сыграла немаловажную роль в интеграции национальной экономики в общемировую систему. Их положение обособленного от мусульманского общества религиозного меньшинства, находившегося, однако, в самом сердце иранского государства, сделало их объектом внимания внешних сил. Коммерческое сотрудничество, во многом отвечавшее британским и парсийским интересам, позволило зороастрийцам Ирана качественно изменить свою роль в экономике страны. Тем не менее взять в свои руки реальные экономические и политические рычаги зороастрийцы Ирана не смогли — в долгосрочной перспективе ни одна из вовлеченных сторон не была заинтересована в их усилении.

Ключевые слова: зороастрийцы Ирана, религиозное меньшинство, экономика Ирана, парсы, транснациональная торговля

Для цитирования: Султанова С. Э. Зороастрийцы в структуре иранской экономики и общества во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 44–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

ZOROASTRIANS IN THE ECONOMIC AND SOCIAL STRUCTURE OF IRAN IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH – EARLY TWENTIETH CENTURY

Sumbula E. Sultanova

¹ Султанова Сумбула Эргашбековна, магистр востоковедения и африканистики, выпускница ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; sultanowa.sumbula@yandex.ru

Sumbula E. Sultanova, Master of Oriental and African Studies, IAAS at Lomonosov Moscow State University graduate; sultanowa.sumbula@yandex.ru

The second half of the nineteenth — beginning of the twentieth century became an important period in the history of the Zoroastrian community of Iran, whose social and legal status has radically changed compared to previous centuries. Due to the financial and communication resources of fellow believers in India — the Parsis, who in turn were the object of support for the British colonial machine in the nineteenth century, Iranian Zoroastrians were able not only to improve their position as an oppressed religious minority, but also to occupy their own niche in the country's economic life. In cooperation with the diplomatic corps of European states in Iran along with the financial support of Parsi capital, a number of measures were taken to abolish restrictions that discriminated against the Zoroastrian religious minority. In particular, the lifting of restrictions on economic activity allowed the most enterprising members of the community to become part of the chain of transnational trade in strategically important goods, including opium. A substantial stake of usurious transactions and international bank transfers also gradually concentrated in the hands of Zoroastrian merchants. The Zoroastrian community of Iran played an important role in the integration of the national economy into the global system. Their position as an isolated religious minority, located, however, in the very heart of the Iranian state, made them the object of attention of external forces. Commercial cooperation, which largely met British and Parsi interests, allowed the Zoroastrians of Iran to qualitatively change their role in the country's economy. Nevertheless, the Zoroastrians of Iran could not capture real economic and political levers — in the long term none of the parties involved was interested in strengthening of their positions.

Keywords: Zoroastrians of Iran, religious minority, Iranian economy, Parsis, transnational trade

For citation: Sultanova S. E. Zoroastrians in the Economic and Social Structure of Iran in the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 44–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

Со становлением шиизма в качестве государственной религии Ирана в период первых Сефевидов в XVI в. не только усиливается общее социальное давление на религиозные общины, но и вновь запускается маховик обращения последователей других религий в ислам. Если это было и не насильственное обращение в ислам, то применялось экономическое и социальное давление, которое вынуждало зороастрийцев изменить вероисповедание.

Зороастрийская община существовала в Иране на правах «людей Писания» (араб. *ахл-ал-китаб*) или равнозначной им группы² и была обязана ежегодно платить налог, которым облагались иноверческие общины — *джизью*. Ограничение возможностей для ведения экономической деятельности не способствовало росту благосостояния общины в целом и каждого отдельного ее члена в частности. Бедность характеризовала подавляющее большинство иранского населения вне зависимости от религиозной принадлежности, тем не менее зороастрийцы к началу XIX в. фактически не имели шансов на повышение своего уровня жизни, что не могло не сказаться и на их численности.

Зороастрийцы Ирана на протяжении столетий рождались, жили и умирали в рамках одной общины, которая сосредотачивалась в так называемых зороастрийских городах — Йезде и Кермане и близлежащих к ним поселениях — Шарафабаде, Хасанабаде, Исмаилабаде, Канат-Хасане, Тафте, Ардакане, Мейбоде, Нусрабаде, Маджра-Калангаре до начала поселения зороастрийцев в крупных городских центрах с последней четверти XIX в. Исключением был только Гебрабад — поселение в пригороде Исфахана, где проживали зороастрийцы, выполнявшие в городе не самые благородные виды работ. Это поселение, известное примерно с XVI в., представляло собой не что иное, как гетто, за пределами которого зороастрийцы не могли селиться.

² Подробнее см.: [ал-Куфи, 2001; ал-Балазури, 1987].

Выходец из иранской общины зороастрийцев не мог покинуть родной город или поселение в поисках лучшей доли — община была одновременно защитницей и силками, которые крепко держали общинников и предостерегали их от контакта с враждебным внешним миром.

Подавляющее большинство европейских путешественников, посещавших Персию вплоть до XIX в., свидетельствуют, что зороастрийцы в этой стране задействованы в «гнусных» работах [Sanson, 1695, p. 257; Chardin, 1811, p. 358]. В отдаленных от городских центров поселениях они трудились на земле, фактически обеспечивая себя через натуральное хозяйство. Отдельные группы зороастрийцев могли заниматься ремеслом, переработкой производимой сельскохозяйственной продукции. Зороастрийцы Кермана, например, были широко известны производимыми ими шелком и шерстью. Кроме качественных шелковых и шерстяных тканей, европейцы обращали внимание на существовавшее у зороастрийцев виноделие, которое было нетривиальным видом экономической деятельности в преимущественно мусульманской стране.

Джизья, которую собирали нецентрализованно, а в годы серьезных политических пертурбаций целиком отдавали на откуп местных властей, значительно отягощала жизнь общины еще и потому, что размер налога не уменьшался пропорционально сокращению численности общины, а иногда даже намеренно увеличивался.

Европейские путешественники, посещавшие Иран еще в XVI–XVII вв., также свидетельствуют о том, что *мобеды* — зороастрийские священнослужители — плохо разбираются в ритуалах, ими же самими отправляемых, практически не понимают собственных священных текстов, а многие толкования и термины совершенно точно взяты из мусульманской культуры. Именно поэтому парсы³ старались сохранить как можно больше знаний, которые, возможно, еще не утратили их единовверцы на исторической родине.

С 1478 по 1768 г. шла активная переписка и обмен мнениями по религиозным вопросам между двумя общинами Ирана и Индии⁴, и к началу XIX в. Иран перестал быть центром зороастрийской религии — тот сместился на Индийский субконтинент.

Рост численности зороастрийской общины во второй половине XIX в.

Иранский историк Рашид Шахмардан утверждает, что на начало XVIII в. общая численность зороастрийцев в Иране составляла миллион человек [Шахмардан, 1984, с. 177]. По подсчетам европейских путешественников, на начало XIX в. в Иране было не более 7000 зороастрийцев⁵ (и Шахмардан соглашается с этим числом) или, по данным 1833 г. путешественника Дж. Фрейзера, не более 3000 зороастрийских семей [Fraser, 1834, p. 65]. Подробную, хотя и примерную статистическую таблицу населения Ирана приводит Ж.-М. Танкуань: он в своем труде 1820 г., ссылаясь на данные Дж. Малькольма, британского дипломата, указывает, что в Иране проживают 20 тыс. *гебров*⁶. Второй том «Истории Персии» Дж. Малькольма, где и приводится это число, был издан в 1815 г. То есть данные были собраны гораздо раньше, поэтому необходимо этот показатель считать увеличенным.

³ *Парсы* — сложившаяся в Индии этноконфессиональная община, исповедующая зороастризм. В IX–X вв. предки парсов переселились в Гуджарат (Индия) из Персии из-за гонений мусульман.

⁴ Подробнее см.: [Dhabhar, 1932].

⁵ Amighi J. K. Zoroastrians of 19th-Century Yazd and Kerman // Encyclopaedia Iranica, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Shaki M. Gabr // Encyclopaedia Iranica, online edition. 15.12.2000. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gabr> (дата обращения: 15.02.2023).

Разнятся данные о численности общины и на протяжении XIX в. Британский посол Рональд Томсон в своем сообщении от 1868 г. приводил крайне точное число зороастрийцев в стране — 7193 человека [Thomson, 1971, p. 31]. Если Джеймс Бассетт, американский миссионер, который жил в Иране в 1871–1885 гг., оценивал численность зороастрийцев в 4–5 тыс. человек [Bassett, 1887, p. 313], британский востоковед Эдвард Броун в 1887–1888 гг. — в 7–10 тыс. человек [Browne, 1893, p. 370], то в 1899 г. уроженец Ирана Джозеф Кнанишу считал, что «огнепоклонников в Иране не менее 15 тысяч» [Knanihu, 1899, p. 220]. Данные Манекджи Лимджи Хатарии, посланника Общества по улучшению положения зороастрийцев Ирана (Society for the Amelioration of the Condition of Zoroastrians in Persia), организованного в 1853 г. группой парсийских коммерсантов, представляются наиболее соответствующими действительности — он писал о 7–8 тыс. зороастрийцев⁷. Его мнение поддерживает британский путешественник Ч. Дж. Уиллс [Wills, 1886, p. 229]. В 1878 г. губернатор Кермана, производивший перепись населения, насчитал в Кермане 1341 зороастрийскую семью (в каждой семье было в среднем 5–7 человек) [Дорошенко, 1982, с. 84]. Немецкий ученый Х. Шиндлер, посетивший Керман в начале XX в., насчитал 1378 зороастрийских семей в самом городе, 120 семей в его окрестностях и 250 семей в селениях Ганатйасан, Джупар и Исмаилабад [English, 1966, p. 9]. Британский ученый У. Джексон приехал в Йезд в 1903 г. и зафиксировал данные своего осведомителя, агента вышеупомянутого Общества по имени Ардешир, который свидетельствовал о 8000–8500 зороастрийцах, проживающих в этом городе [Jackson, 1906, p. 354]. Английский священник Н. Малькольм, труд которого увидел свет в 1905 г., считает, что зороастрийцев в одном только Йезде было не менее «14 сотен семей» [Malcolm, 1905, p. 44]. Наконец, согласно статистике Общества по улучшению положения зороастрийцев Ирана, за полстолетия общая численность общины выросла до 9300, а число ведущих активную экономическую деятельность зороастрийцев в Тегеране увеличилось с 50 до более 300 человек [Issawi, 1971, p. 63]. Итак, можно предположить, что в период с конца XIX до начала XX в. численность общины составляла не менее 8–9 тыс. человек и, таким образом, на рубеже XIX–XX вв. она постепенно, но устойчиво росла.

По оценке Е. А. Дорошенко, в 40-е гг. XX вв. зороастрийская община в Иране насчитывала примерно 8–10 тыс. человек [Дорошенко, 1982, с. 102].

Для Кермана и Йезда экономическая ситуация и условия жизни зороастрийцев начали улучшаться в 1850-х гг., когда стали ощутимы результаты британской промышленной революции, действий британской колониальной машины по поиску рынков сбыта, а также по мере того, как политическая стабильность способствовала развитию международной торговли. Шерстяные и другие ткани, ковры и товарные культуры (в частности, опиум) экспортировались в обмен на чай, хлопок и многие другие товары, произведенные в Европе [English, 1966, pp. 26–28]. Отдельные европейские путешественники, хотя и не вдаются подробно в описание столь незначительной в количественном отношении группы, отмечают, что зороастрийцы занимаются и коммерческой деятельностью [Fraser, 1834, p. 64; Flandin, Coste, 1854, p. 41; Jackson, 1906, p. 374].

Среди серьезных экономических ограничений были запреты на деятельность или определенные преференции, которые бы ставили представителя религиозного меньшинства в конкурентную позицию по отношению к мусульманам. Это значило, что иноверцы не имели права иметь собственное место на базаре, путешествовать за границу, заниматься торговлей (!) и продажей льняных тканей — считалось, что лен, будучи наиболее натуральным материалом, легко распространял нечистоту иноверцев. Кроме того, торговля льном была достаточно прибыльной, и установление полного контроля иноверцев на этом рынке было бы просто неприемлемым.

⁷ Hataria M. L. Travels to Iran. A Parsi Mission to Iran. 1865. URL: <https://web.archive.org/web/20120210035912/http://www.fravahr.org/spip.php?article84> (дата обращения: 20.03.2023).

Быт и взаимоотношения с мусульманами

Закрытость зороастрийской общины во многом объяснялась крайним уровнем нетерпимости мусульман к зороастрийцам. Так, Манекджи Лимджи Хатария в своем первом отчете перед соотечественниками в 1855 г. свидетельствовал о катастрофическом состоянии общины и бесправии ее членов: ни жизнь, ни имущество зороастрийца в Иране не были ничем защищены. Он сам или члены его семьи могли быть в любой момент покалечены или убиты, а дома могли быть уничтожены до основания.

Мусульманин, убивший иноверца, фактически не преследовался законом, а выплата за погибшего, составлявшая половину от суммы, полагающейся за мусульманина, или, по другим данным, 7% от этой суммы (почти в 5 раз меньше, чем за еврея или христианина) [Кузнецова, 1983, с. 178], чаще всего не выплачивалась вовсе.

Для самой общины наиболее деструктивные последствия имела даже не смерть общинника, а его обращение в ислам, добровольное или насильственное. В первые столетия после прихода на территорию Ирана ислама могущественная и многочисленная зороастрийская община полноправно изымала все имущество человека, который переходил в другую веру. С течением времени и с ослаблением позиций она такое право потеряла. Утратив члена общины, она теряла и собственность, которая принадлежала ему или его семье — новообращенный имел полное право претендовать на эту собственность, что создавало почву для серьезных разногласий людей, еще недавно состоявших в одной общине [Issawi, 1971, p. 65; Browne, 1893, p. 372]. Мусульманин, который насильно обратил в ислам зороастрийскую девушку и женился на ней, также имел право претендовать на имущество ее семьи.

Э. Броун приводит пример влияния человеческого фактора на принятие ислама — во время его пребывания в Йезде в 1887–1888 гг. ему рассказали о молодом зороастрийце, который был влюблен в мусульманку и принял ислам, но позднее пожалел о своем решении. Так как отход от ислама карается смертью, возможно, его семья отправила молодоженов в Индию, где девушка могла беспрепятственно принять зороастризм как бы вслед за мужем-зороастрийцем [Browne, 1893, pp. 381, 387].

Тем не менее представляется, что обращение в ислам иноверцев в целом в позднем Средневековье и вплоть до XIX в. не носило массового характера. Отмечались единичные случаи добровольного принятия ислама или коллективного перехода в новую религию в исключительных, экстремальных случаях [Кузнецова, 1983, с. 176]. Последний документированный случай массового перехода зороастрийцев в ислам зафиксирован в середине XIX в.: группа молодых мусульман ворвалась в зороастрийское поселение Торкабад в пригороде Йезда и под страхом смерти всех членов семьи заставила жителей обратиться в ислам. К концу дня каждый поселенец принял ислам, и в Торкабаде не осталось никаких следов жизни зороастрийской общины [Воусе, 1977, p. 7].

Зороастрийцам на городских базарах нельзя было прикасаться к продуктам, которые, по общему мнению, могли переносить заразу и нечистоты — мясу и фруктам. Также они не могли передвигаться по городу во время дождя, что тоже считалось методом распространения нечистоты. Иноверцам было запрещено носить очки (судя по всему, они считались ярким атрибутом образованной части населения), открывать школы, восстанавливать религиозные сооружения (возводить новые им было запрещено еще в Средние века), носить часы, зонт, ювелирные изделия, оружие или ездить верхом [Jackson, 1906, pp. 374–375]. Зороастрийцы не посещали общественных бань, парикмахерских, водоемов или фонтанов. Существовало множество детализированных ограничений на одежду — по типу ткани, цвету и даже образу ношения. Следует отметить, что особенного дресс-кода или ограничений по отношению к одежде зороастрийских женщин не существовало,

возможно, потому, что их манера одеваться была сама по себе достаточно аутентичной и узнаваемой. Так или иначе, все эти ограничения просуществовали в Персии до 1890–1895 гг., и отменялись они постепенно [Malcolm, 1905, pp. 44–46].

Зороастрийцы в Йезде и Кермане не имели ни формального руководства общины, ни официальных посредников между собой и мусульманским населением или представителем местной администрации. Иногда отдельные зороастрийцы могли пользоваться благожелательным отношением *остандара* — руководителя области — и имели определенный доступ ко двору, но такие случаи носили исключительный характер и никогда не оформлялись официально [Ringer, 2011, p. 38].

В период усиления внутренней нестабильности и политического хаоса, ослабления центральной власти восставшие организовывали погромы поселений религиозных меньшинств, таким образом выражая свое недовольство государственной политикой. В такие времена в Йезде и Кермане зороастрийцы становились объектом множества случайных нападений, часто приводивших к их гибели. «Иногда, когда наступает период междоусобицы, или когда плохой или одержимый [мнением] священнослужителей местный правитель занимает должность, а *лутти* или хулиганы Йезда становятся смелыми, с ними [зороастрийцами] случаются неприятности хуже [чем ограничения в ношении одежды]» [Browne, 1893, pp. 370–371]. В период прихода к власти Насер-ад-Дин-шаха (1831–1896) многие зороастрийцы пострадали от погромов, лишились имущества и были вынуждены принять ислам [Browne, 1893, pp. 370–371]. При укреплении центральной власти ситуация кардинально менялась. Шах, покровитель всех своих подданных, часто выступал в защиту иноверцев, тем самым выполняя несколько своих репутационных задач.

Сложность взаимоотношений между религиозными общностями особую опасность представляла для женщин. Наряду с грабежом и порчей собственности община часто страдала от похищения из деревень зороастрийских девушек. Вплоть до начала XX в. зороастрийские женщины свидетельствовали, что рядом с местом, где они обычно стирали белье, они рыли яму, чтобы прятаться в ней от похитителей. Похищенных девушек насильно обращали в ислам и выдавали замуж за мусульман. В Йезде новообращенных помещали в специальную повозку и провозили по базару, чтобы жители города видели девушек, которые обратились в истинную веру [Bouse, 1977, p. 12]. При возможности родители выдавали своих дочерей замуж за единоверцев в Индии. Впоследствии именно эти девушки, хорошо помнившие ситуацию в родных иранских деревнях, обращали внимание общины парсов на проблемы единоверцев в Иране и стимулировали поток материальной и организационной помощи для них. Фарханг Мехр, ученый и политик зороастрийского происхождения, считал насилие в отношении зороастрийских женщин одним из ключевых факторов некоторого замедления роста численности общины⁸.

Нельзя умалять масштаб опасностей, с которыми сталкивалась зороастрийская община в Иране, однако уходить в «печальное повествование»⁹ было бы некорректно. Современники сохранили отдельные примеры эффективного сотрудничества мусульман с зороастрийцами, которые были опытными фермерами и садоводами [Browne, 1893, p. 387]. Представители общины, работавшие в качестве наемной силы на земле крупных землевладельцев-мусульман, были более защищены от произвола местной власти, так как в этом были заинтересованы сами землевладельцы.

Среди привилегированных слоев общение и добрососедские отношения были более распространенными. Так, Э. Броун свидетельствует о том, что и мусульмане, и приверженцы

⁸ Malcolm D. M. Seth Maneckji Limji Hataria. The Martin Luther King of Zoroastrianism & The Struggle for Zoroastrian Civil Rights in Iran // A Zoroastrian Educational Institute. Historical Events. Historical Figures. URL: http://www.zoroastrian.org.uk/vohuman/Article/Seth%20Maneckji%20Limji%20Hataria.htm#_ednref39 (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Подробнее см.: [Dhalla, 1938; Magnusson, 2014].

бабизма — религиозно-политического движения, появившегося в Иране в XIX в. — были частыми посетителями зороастрийских домов [Browne, 1893, pp. 437, 442].

Российский консул в Систане А. Миллер в своем отчете писал, что зороастрийцы по всей Персии известны как люди деловые и точные в расчетах: «Купцы-мусульмане, вполне признающие за ними эти важные в торговле качества, охотно ведут с ними торговые и банковые дела» [Миллер, 1904, с. 237].

Как бы ни соблюдались установки, взаимно ограничивающие взаимодействие представителей двух групп, полностью его исключить они не могли: зороастриец достаточно свободно мог покупать на базаре фрукты, предусмотрительно не касаясь их, а мусульманин, прибывавший в дом зороастрийца, приносил с собой собственную посуду и чайник. Зафиксировано занимательное свідетельство, согласно которому мусульманин, бывший частым посетителем зороастрийского дома, где вместе со своим другом он вдали от любопытных глаз распивал водку, имел обыкновение тщательно протирать свой стакан и поверхность бутылки — очевидно, чтобы уберечь себя от влияния прикосновения иноверца¹⁰.

Общее историческое и культурное наследие, а также общие черты в религиозных учениях сыграли существенную роль в объединении и усилении взаимодействия, когда зороастрийцы укрепили свои позиции в роли значительной экономической силы.

Зороастрийцы в структуре национальной экономики

С середины XIX в. наблюдаются изменения в жизни зороастрийской общины, связанные с расширением их контактов с индийскими парсами, что способствовало их вовлечению в экономическую жизнь страны. С 1840-х гг. купцы-зороастрийцы из Бомбея ежегодно прибывают не только в Тегеран, но и в Бендер-Бушер, Исфахан, Шираз и, конечно, Йезд и Керман. Парсийский коммерческий потенциал не мог не оказывать влияния на местные торговые потоки. Единоверцы из Индии вместе со своими британскими коллегами, которые внимательно следили за происходящим в политике и экономике Ирана, давали местным зороастрийцам «рекомендации», в результате чего зороастрийцы Ирана постепенно сосредоточили в своих руках торговлю регионального уровня и проведение денежных операций. К концу XIX в. все денежные переводы во все крупные города страны, а также в Карачи и Бомбей осуществлялись через зороастрийских купцов [Миллер, 1904, с. 237].

Большинство представителей общины обеспечивали свою скромную жизнь выращиванием сельскохозяйственных культур, обработкой шелка и ткачеством. Но наращивание торговых отношений между южным Ираном и Индией стало вдвойне выгодным для иранских зороастрийцев. Благодаря общению с материально обеспеченными, предприимчивыми и образованными парсами, которые к тому же разделяли веру в их учение, зороастрийцы стали каналом проникновения в иранскую экономику парсийского капитала.

В условиях устойчивого роста объема внешней торговли Ирана, за исключением отдельных кратковременных сбоев, значительных изменений в структуре иранской торговли и на фоне ухудшения торговых позиций Британской империи и конкуренции с Россией получает начало политика англичан по защите и поддержке религиозных меньшинств внутри Ирана. С середины века и более последовательно с 1870-х гг. британская миссия и консульства предприняли политику выявления случаев преследований в отношении признанных религиозных меньшинств, в частности,

¹⁰ Amighi J. K. Zoroastrians Of 19th-Century Yazd And Kerman // Encyclopaedia Iranica, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).

в отношении несториан, зороастрийцев, армян и евреев и иногда выступали посредниками, принимая их сторону, при общении с иранскими властями¹¹.

Религиозное меньшинство, не принятое социумом, обиженное центральной властью, без ясного будущего и шанса на улучшение условий жизни, которое к тому же находилось в самом сердце иранского государства — зороастрийцы были идеальным инструментом для проведения пробританской политики не «сверху», но «снизу». Некоторые районы центральных провинций представляли предмет особого интереса английских предпринимателей. Парсийские бизнесмены, которые уже регулярно посещали Лондон и обладали финансовыми ресурсами, становились наиболее эффективными проводниками британских интересов. Естественно, единоверцам было легче найти общий язык, чем европейскому дипломату или коммерсанту, с мелким торговцем или крестьянином из среднестатистической иранской деревни.

Рост благосостояния зороастрийской общины начался с ее успехов в усложнении и развитии сельскохозяйственной деятельности.

Центром производства и обработки шелка в Иране на протяжении столетий оставался Гилян, о чем еще в XVII в. писал французский путешественник Жан Шарден. Со второй половины XIX в. в производство шелка более активно включаются центральные районы страны и, в частности, Йезд. Согласно существующим данным, с 1865 г. и далее на Йезд приходилась определенная часть производства шелка-сырца, однако эти объемы с каждым десятилетием уменьшались — возможно, это было следствием влияния климата, который, очевидно, был менее благоприятным по сравнению с северной провинцией [Issawi, 1971, p. 235]. Так или иначе, производимый объем был незначительным и использовался для собственных нужд города и окрестностей [Seyf, 1983, p. 63].

Иначе ситуация складывалась с опиумом. Опиум использовался на Ближнем Востоке с древнейших времен в основном в медицинских целях, но кульминация в его производстве и потреблении наступила в середине XIX в. В 1867 г. сотрудники британского консульства в Тегеране предрекали высокий спрос и уже подсчитывали прибыль от реализации иранского опиума в Китае. С каждым годом объемы производства опиума росли, а рынки Гонконга и Сингапура, которые с готовностью принимали товар, мотивировали удачливых европейцев к его наращиванию. Консул в Бушере сообщал, что все возможные территории в Йезде, Исфахане и их окрестностях полностью засажены опиумом вместо зерновых культур, которые кормили местное население. Правда, он признавал, что вкупе с засухой и другими обстоятельствами, обусловленными климатическими изменениями, это привело к голоду — речь идет о массовом голоде в Иране в 1871–1872 гг. [Issawi, 1971, p. 238].

Впрочем, прибыльное предприятие это никак не остановило. Производство опиума продолжали наращивать, часть продукта уходила в Китай, другая часть — через Керманшах реализовывалась в Багдаде, что-то уходило в Европу и на американский континент, что-то оседало среди местного населения. Организаторов и непосредственно производителей больше беспокоило качество их продукции, чем массовый голод населения, к которому, в частности, приводила их деятельность. Старались следить за отсутствием примесей и правильной концентрацией — это повышало опиум в цене.

Р. Томсон в своем сообщении 1869 г. подтверждает, что основными центрами производства иранского опиума являются Йезд и Исфахан. Кроме того, он отмечает, что персы, вкусив первую прибыль от торговли опиумом, якобы нашли более дешевый путь его перевозки в Китай в обход британских торговых портов. Учитывая состояние иранского флота в тот период и обстоятельства, в которых находился регион Индийского океана, такое замечание кажется явным искажением

¹¹ Amanat A. GREAT BRITAIN iii. British influence in Persia in the 19th century // Encyclopaedia Iranica, Vol. XI, Fasc. 2, PP. 208–218. 15.12.2002. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-iii> (дата обращения: 15.02.2023).

действительности [Issawi, 1971, p. 240]. Однако в 1910 г. иранский парламент постановил ввести ограничения на использование опиума до исключительно медицинских и исследовательских целей, но в военное и послевоенное время объем употребления и экспорта опиума увеличился в разы. Опиум утратил свою важную роль в иранском сельском хозяйстве и торговле, которую он приобрел в XIX в., только к 1955 г. Так, с начала XX в. в Кермане, где опиум был основной доходной сельскохозяйственной культурой, начали выращивать замещающие культуры, такие как картофель, сахарная свекла, люцерна и, в меньшей степени, тмин и шафран.

Таким образом, материальное благосостояние зороастрийцев Ирана росло прямо пропорционально предпринимательским успехам их парсийских и британских контрагентов. В источниках нет прямого указания, что именно жители Йезде, Исфахана или любого другого населенного пункта, являющиеся приверженцами зороастрийского учения, оказывали содействие в культивировании опиума на данной территории. Однако, учитывая, что первейшими бенефициарами этих предприятий были именно парсы, несложно догадаться, что без помощи иранских единоверцев тут вряд ли могло бы обойтись.

* * *

В экономическом отношении зороастрийская община Ирана заняла свою нишу в экономической структуре персидского государства и стала силой, которую невозможно было игнорировать.

Изменения в жизни иранских зороастрийцев начались в 1860-е гг. с установления фиксированной ставки налога с зороастрийской общины, свободного выезда зороастрийцев за пределы страны, разрешения на открытие школ в 1870 г. Эти меры сразу же благотворно сказались на уровне материальной обеспеченности иранских зороастрийцев.

Два документа окончательно зафиксировали укрепление позиций зороастрийцев Ирана — фирман об отмене джизьи (1882) и фирман о правах парсов в Иране (1899).

Принятие указанных фирманов стало результатом усилий парсов и английской дипломатической миссии. Только в 1880-х гг., спустя десятилетия взаимодействия с зороастрийской общиной Ирана, Р. Томсон получил шахский фирман о правах зороастрийцев. На основании фирмана 1899 г. в Йезде и Кермане было основано общество зороастрийцев — *Анджоман-е насер-е зартоштиан*.

Зороастрийцы из близлежащих сельских поселений мигрировали в городские центры, жители городов мигрировали в Тегеран. Община в Тегеране, которая в начале XX в. исчислялась сотнями, в 1920–1930-х гг. исчислялась уже тысячами [English, 1971, p. 66].

Об улучшении положения зороастрийцев в рассматриваемый период свидетельствует и появление слоя зажиточных представителей общины. Например, в Йезде человек, имевший дополнительную площадь земли помимо положенной ему доли, уже считался человеком с достатком и получал прозвище «*арбаб*», то есть «*землевладелец*». Прозвище «*арбаб*» носил и один из самых известных коммерсантов, вышедших из зороастрийской общины, Джамшид Джамшидиан, который прошел путь от ученика портного до одного из крупнейших банкиров Тегерана. Начав с торговли текстильными изделиями, он вскоре запустил ростовщическое дело, или *саррафи*, создал отделения в Ширазе и Кермане, открыл представительства в Багдаде, Бомбее, Калькутте и даже Париже. Джамшидиан активно вкладывал свой капитал в сельское хозяйство, приобретая земли в окрестностях Тегерана, а также в таких провинциях, как Хорасан и Фарс [Абдуллаев, 1971, с. 46].

Коммерческие успехи зороастрийского бизнесмена создали условия для его политической деятельности в период Конституционной революции (1905–1911). Джамшидиан в числе влиятельных зороастрийских коммерсантов приобрел в Индии огнестрельное оружие, которое

в результате получили протестующие [Мехр, 1969, с. 7]. Состоятельные зороастрийцы, проживавшие в Тегеране, в 1906 г. передали лидерам первого меджлиса крупную сумму денег для того, чтобы депутаты парламента не препятствовали заключению зороастрийскими купцами выгодных торговых сделок. В знак уважения и, возможно, чтобы умерить опасения улама относительно укрепления прав религиозных меньшинств, Джамшидиан сделал дорогостоящий подарок аятолле Сеиду Абдулле Бехбехани — известному шиитскому богослову и стороннику революции [Ringer, 2011, p. 210].

Зороастрийцы уже имели значительный капитал и выходили на открытые торговые сделки с российскими купцами. Так, А. Миллер в своем отчете даже приводит сводную таблицу с указанием капиталов зороастрийских купцов [Миллер, 1904, с. 237].

1) Шахрияр Худобахш	100 000 тум.
2) Кейхосроу Рустем	50 000
3) Хурмедзиар Джемшид	50 000
4) Рустем Кабули	40 000
5) Бахман Кабули	25 000
6) Серушиар Фулад	20 000
7) Джемшид Джихангир	Каждый по 10 000 тум.
8) Рустем Хосроу	
9) Ардешир Хосроу	
10) Бахман Рустем	
Итого:	325 000 тум.

Значительные изменения в общине в 1890-х гг. как результат взаимодействия с парсами отметил лорд Кёрзон (1859–1925), который писал: «Около пятидесяти лет назад парсы Йезда начали ту торговлю с Индией, которая с тех пор достигла таких значительных размеров и внесла свой вклад в традиционно хорошую коммерческую репутацию города» [Curzon, 1892, pp. 241–242].

За поддержку англичан и парсов иранские зороастрийцы, естественно, питали к Великобритании определенные симпатии. Из числа зороастрийцев англичане вербовали своих агентов, что не могло не вызывать настороженность иранских властей.

В начале XX в. в Тегеране были отлитографированы учебник по зороастризму для детей и книга «Форуг-е маздаясни» («Блеск зороастрийской веры»), написанные Кейхосровом Шахрехом (1864–1939), активным членом зороастрийской общины Кермана. Оба издания были выполнены по заказу зороастрийских общин Тегерана и Бомбея, и печать была организована парсом Джамшидом Раис-ат-Тоджаром. Большое количество копий этих изданий было распространено в Тегеране, что говорит о том, что зороастрийская община в столице стала многочисленнее и богаче [Кузнецова, 1983, с. 251].

Со второй половины XIX в. положение зороастрийской общины стало качественно меняться. Медленно, но верно отменялись запреты и ограничения деятельности в социальной и экономической сфере. Необразованные бедняки, не разделявшие приверженности законам шариата, превратились в полноценных членов иранского общества и вошли в круг деловой элиты.

Зороастрийцы оказались достаточно плотно вовлечены в торговую деятельность, поддерживали и развивали тесные международные контакты. Как ни парадоксально, именно то, что община не была встроена в общую социальную канву, способствовало быстрому и эффективному налаживанию ее связей с внешним миром, появлению в результате этого взаимодействия ресурсов для ее собственного экономического развития.

С середины 20-х гг. XX в. с установлением династии Пехлеви и началом процессов социальной и экономической модернизации в Иране зороастрийцы значительно упрочили свое положение: община стала идеологическим фасадом новообразованного авторитарного режима и поддерживала шаха в его внутренней политике.

Зороастрийская община Ирана внесла определенный вклад в переход иранской национальной экономики на новый уровень развития и в социально-культурную модернизацию.

Литература / References

Абдуллаев З. З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX — начале XX века. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971 [Abdullaev Z. Z. Industry and the emergence of the Iranian working class in the late 19th — early 20th centuries. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971 (in Russian)].

Абу Йусуф Йакуб Ибрахим ал-Куфи. Китаб аль-Харадж. Пер. А. Шмидта. *Памятники культуры Востока*. СПб., 2001 [Abu Yusuf Yaqub Ibrahim al-Kufi. Kitab al-Kharaj. Trans. by A. Schmidt. *Monuments of Eastern culture*. St. Petersburg, 2001 (in Russian)].

Аснади аз зартоштиан-е моасер-е Иран. Под ред. Т. Амини, 2001 [Documents of modern Zoroastrians of Iran. Ed. by T. Amini, 2001 (in Persian)].

Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури. *Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булдан»)* Пер. Г. Гоибова. Душанбе, 1987 [Ahmad ibn Yahya ibn Jabir al-Baladhuri. *Conquest of Khorasan (Extract from the 'Futuh al-buldan')*. Trans. by G. Goibov. Dushanbe, 1987 (in Russian)].

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М., 1982 [Doroshenko E. A. *Zoroastrians in Iran (Historical and ethnographic essay)*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Крюкова В. Ю. Зороастрийские храмы Йезда и Тегерана. Чистов Ю. К. (отв. ред.). *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г.* СПб., 2012 [Kryukova V. Yu. Zoroastrian temples of Yazd and Tehran. Chistov Yu. K. (ed.). *Radlov collection: Research and museum projects of MAE RAS in 2011*. St. Petersburg, 2012 (in Russian)].

Кузнецова Н. А. *Иран в первой половине XIX века*. М., 1983 [Kuznetsova N. A. *Iran in the first half of the 19th century*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Отчет о командировке в Керман Российского императорского консула в Сеистане надворного советника А. Миллера. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Выпуск LXXVII. СПб., 1904 [Report on the business trip to Kerman of the Russian Imperial Consul in Seistan, court adviser A. Miller. *Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia*. Issue LXXVII. St. Petersburg, 1904 (in Russian)].

Сахм-е зартоштиан дар энглаб-е машрутиат-е Иран. Соханрани-е дженаб ага-е доктор Фархане Мехр дар данешгах-е Эсфахан. Тегеран, 1969 [The role of Zoroastrians in the Constitutional Revolution in Iran. Lecture by Dr. Farhang Mehr at the University of Isfahan. Tehran, 1969 (in Persian)].

Шахмардан Р. *Тарих-е зартоштиан. Фарзанеган-е зартошти*, 1984 [Shahmardan R. *The History of Zoroastrians. Zoroastrian sages*, 1984 (in Persian)].

Bassett J. *Persia. The Land of the Imams*. Glasgow, Edinburgh, Dublin, 1887.

Boyce M. *A Persian Stronghold of Zoroastrianism (Ratanbai Katrak Lectures, 1975)*. Oxford, 1977.

Browne E. G. *A Year Amongst The Persians*. L., 1893.

Curzon G. N. *Persia and The Persian Question*. Vol. I. L., N.-Y., 1892.

- Dhalla M. N. *History of Zoroastrianism*. N.-Y., 1938.
- English P. W. *City and Village in Iran. Settlement and Economy in the Kirman Basin*. Madison, Milwaukee, L., 1966.
- English P. W. Nationalism, Secularism, and the Zoroastrians of Kirman. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971.
- Flandin E., Coste P. *Voyage en Perse*. Tome II. P., 1854.
- Fraser J. B. *A Historical and Descriptive Account of Persia from the Earliest Ages to the Present Time*. Edinburg, 1834.
- Jackson A. V.W. *Persia Past and Present*. L., 1906.
- Knanishu J. *About Persia and Its People*. Rock Island, Ill., 1899.
- Magnusson A. *Muslim-Zoroastrian Relations and Religious Violence in Early Islamic Discourse, 600–1100 C. E.* California, 2014.
- Malcolm N. *Five Years in a Persian Town*. N.-Y., 1905.
- Maneck S. S. *The death of Abriman: Culture, Identity and Theological Change among the Parsis of India* [Doctoral dissertation, University of Arizona], 1994.
- Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others*. Ed. by E. B. N. Dhabhar. Bombay, 1932.
- Ringer M. M. *Pious Citizens: Reforming Zoroastrianism in India and Iran*. N.-Y., 2011.
- Sanson N. *Voyage, ou Relation de l'etat present du royaume de Perse*. P., 1695.
- Seyf A. Silk Production and Trade in Iran in the Nineteenth Century. *Iranian Studies*, Winter — Spring, 1983. Vol. 16. № 1/2.
- The Economic History of Persia* / Ed. by Ch. Issawi. Chicago–L., 1971.
- Thomson R. Report on Persia // *The Economic History of Persia* / Ed. by Ch. Issawi. Chicago–L., 1971.
- Voyages du Chevalier Chardin en Perse et Autres Lieux de l'Orient*. Vol. VIII. / Ed. by L. Langles Par. P., 1811.
- Wills C. J. *Persia As It Is*. L., 1886.
- Wilson S. G. *Persian Life and Customs*. Edinburgh, L., 1896.

Электронные ресурсы / Electronic resources

- Amanat A. GREAT BRITAIN iii. British influence in Persia in the 19th century // *Encyclopaedia Iranica*, Vol. XI, Fasc. 2, PP. 208–218. 15.12.2002. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-iii> (дата обращения: 15.02.2023).
- Amighi J. K. Zoroastrians Of 19th-Century Yazd And Kerman // *Encyclopaedia Iranica*, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).
- Hataria M. L. Travels to Iran. A Parsi Mission to Iran. 1865. URL: <https://web.archive.org/web/20120210035912/http://www.fravahr.org/spip.php?article84> (дата обращения: 20.03.2023).
- Malcolm D. M. Seth Maneckji Limji Hataria. The Martin Luther King of Zoroastrianism & The Struggle for Zoroastrian Civil Rights in Iran // A Zoroastrian Educational Institute. Historical Events. Historical Figures. URL: http://www.zoroastrian.org.uk/vohuman/Article/Seth%20Maneckji%20Limji%20Hataria.htm#_ednref39 (дата обращения: 15.03.2023).
- Shaki M. GABR // *Encyclopaedia Iranica*, online edition. 15.12.2000. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gabr> (дата обращения: 15.02.2023).